

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографического Отдѣленія

В. И. Ламанского

и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова

Выпускъ IV

Годъ XVI

1907

С-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1907.

ЖИ

Особенности психического міра якутовъ Колымского округа въ зависимости отъ ихъ культуры.

(Продолжение).

Б. Мәнерикъ.

Разряженіе безъ отношенія къ обществу людей. Нѣтъ опредѣленнаго объекта, нарушающаго психическое равновѣсіе.

1. Эрюка Антипина самый сильный Омерякъ¹⁾ двухъ наследовъ: 1-го Байдунского и 4-го Мятюжского.

Родилась она въ шаманствѣ, дѣвочкой 6—10 лѣтъ ее окре-стили. Она—человѣкъ двухъ вѣръ. Православіе преобладаетъ надъ шаманствомъ, „наслежная“ родовая традиціи—надъ за-кономъ государственного строя.

Женщина очень разсудительная... Любить вспоминать ста-рину... Охраняетъ тщательно культь „наслега“.

„Рыбу свѣжаго промысла нельзя варить съ солью“.

„Нельзя, нехорошо топить камелекъ березовыми дровами: не будетъ промысла... Эрюкъ представляется голодъ всего народа. Нѣть промысла,—руsskie варять рыбу съ солью и то-пятъ березою...

Она посылаетъ своихъ взрослыхъ внучекъ шпионить за рус-скими.

Ко мнѣ на Родчево прѣхалъ товарищъ Шоргородской въ 1891—92 году. Онъ думалъ заняться земледѣлемъ. Садилъ ка-пусту, бураки, картошку, сѣялъ другую огородину; немного ржи и ячменю.

За нимъ-то и шпионила Эрюка... Якуты скоро увидали, что я соблюдаю ихъ интересъ и не варю рыбы съ солью. Я жиль около года „дюкакомъ“, т. - е. постояльцемъ. Пользовался оро-номъ... Все дѣлалъ на глазахъ якутовъ. Шоргородской жилъ от-дѣльно.. Якуты видѣли, что онъ носить березу на дрова...

На его грядахъ начали появляться кости рыбы и птицъ. Это Эрюка хотѣла показать землѣ, что якуты не оскорбляютъ

¹⁾ У якутовъ нерѣдко мэнэрік и ѿмурѣхъ совмѣщаются въ одномъ лицѣ.
Ред.

ся насилиемъ, не будутъ хлѣборобами. Она костями, остатками своей обычной пищи, какъ бы закрывала желаніе русскаго измѣнить родъ пищи и перейти на такой, при которомъ уже можно обойтись безъ рыбы и птицъ—этого дара земли и воды.

Русскій Богъ любить хлѣбъ, якутскій—рыбу и мясо. Русскій Богъ—сильнѣе, онъ нужнѣе послѣ смерти; якутскій—нужнѣй здѣсь, на землѣ.. Надо уважать обоихъ—рѣшаетъ разсудительная якутка.

Она инстинктивно чувствуетъ, что „русскій Богъ“ станетъ между человѣкомъ и обществомъ, научить людей лицемѣрію, разрушить культь наслега съ его дѣвственной вѣрой во взаимную помощь другъ другу. Нужность человѣка въ человѣкѣ замѣнится нужностью Бога для человѣка.

Тяжело на душѣ Эрюки. Эрюка задумывается иногда; ходить грустная со своею любимою внучкою, 4-хлѣтней Джекджей, вокругъ огорода, этой угрозы якутскаго благополучія...

Былъ прежде одинъ русскій; жилъ смироно, соблюдалъ наши обычаи.. У него было ухо, былъ ящикъ. Потомъ пріѣхалъ другой; этотъ ѿсть нашу пищу, не вредить намъ и нашимъ промысламъ... Теперь пріѣхалъ третій. Онъ варитъ рыбу съ солью, топить камелекъ березою, не выгребаетъ березовыхъ углей и золы, на березѣ варить рыбу новаго промысла... Онъ ломаетъ наслегъ...

Лѣтній вечеръ. Сидитъ Эрюка, задумчивая, на скамейкѣ въ юртѣ. Дверь изъ шкуры немного приподнята. Тлѣтъ, дымить сухой навозъ коровій снаружи у порога юрты... Струи дыма тянутся около щели приподнятой покрышки-двери, не пускаютъ въ юрту комаровъ...

Около нея вертится ея любимица—младшая внучка Джекджа...

Безучастно смотритъ Эрюка на все окружающее, безсознательно любящей рукой гладить грязную со спутанными волосиками головку бойкой востроглазой дѣвчурки...

Ее гнететъ наступающая бѣда; бѣда идетъ, она давить ее. Нужно быть сильнымъ богатыремъ. Сильные богатыри борются съ духами. Да они сами—духи, сильные большие духи!

Эрюка привскакиваетъ на скамейкѣ. Она чувствуетъ въ себѣ силу... Она—сильный богатырь... Она—духъ.

Теперь она не слабая старуха Эрюка... Мужественнымъ голосомъ, речитативомъ поетъ она. Въ этой пѣснѣ-рѣчи она изливаетъ свою душу. Ея мотивъ и слова—мотивъ и слова изъ якутскихъ былинъ вперемежку со злобою настоящаго дня, съ предсказаніями, иногда, будущаго... Она излагаетъ, что она чувствуетъ, чѣмъ она стала. Она—духъ умершаго родственника или знакомаго, предсказываетъ чью-либо смерть или выздор-

вленіе, удачу или неудачу промысла. Говорить о болѣзни скота, о неурожаѣ или урожаѣ сѣна.

Эрюка во время своего психического разряженія то садится на скамью, то вскакиваетъ; машетъ руками.

Ея блуждающій духъ можетъ совершенно уйти... Нужно закрыть плотно двери, занавѣсить окна.

Во время психического разряженія присутствующіе якуты сидятъ смироно. Собакъ выгоняютъ изъ юрты; лай собаки можетъ прекратить психическое разряженіе...

Послѣ непрерваннаго психического разряженія, субъектъ разряженія чувствуетъ усталость и душевное облегченіе.

2. Марфа Малая очень хочетъ имѣть дѣтей... Она три раза была беременна: разъ былъ выкидышъ, разъ ребенокъ умеръ въ день рожденія, а послѣдній умеръ черезъ три-четыре дня послѣ рожденія... Она менерячитъ три-четыре раза въ годъ... Видъ чужихъ дѣтей, особенно моихъ, вызываетъ у нея иногда, когда организмъ подавленъ, слѣзы... Она плачетъ о своемъ горѣ:

— „У всѣхъ есть дѣти, у меня нѣть. Богъ далъ тебѣ близнецъ... Ты—старикъ и твоя жена—старуха... У меня нѣть ни одного, мой мужъ молодъ“...

Слѣзы текутъ изъ глазъ бѣдной женщины... Свое желаніе имѣть дѣтей наши старыя дѣвы разряжаютъ въ кошкахъ и собакахъ. Такого суррогата образная культура непосредственныхъ чувствъ не можетъ терпѣть... Женщинѣ-якутѣ собачки и котята не могутъ замѣнить ребенка, не могутъ наполнить пустоту ея материнскаго чувства... Взять ребенка въ приемыши для колымской матери-якутки почти невозможно... Это можетъ удастся только богатому человѣку. Чувство матери можетъ побѣдить нужда, соединенная съ корыстью. Одной нуждѣ не побѣдить ея. Только плохая мать рѣшится разстаться съ своимъ ребенкомъ. Горе Марфы—безъ исхода, безъ надежды на исходъ. Это горе стоитъ передъ нею постоянно. Психическое напряженіе, вслѣдствіе неудовлетвореннаго желанія, накапливается. Психическій зарядъ настолько силенъ, наконецъ, что нуженъ незначительный толчокъ—и разряженіе готово. Такихъ фактовъ всегда много даетъ жизнь. Мужъ ея, Данила, уѣхалъ отбывать натуральную повинность. Марфа видѣть пустое мѣсто около себя. Она не чувствуетъ около себя теплого тѣла. Предъ ней картина сна ея съдокъ. Обнаженные тѣла маленькихъ якутятъ прижались къ обнаженному теплому тѣлу матери, взаимное прикосновеніе согреваетъ физически, согреваетъ психически и мать и дѣтей. Она—бездѣтная и одинокая, одна. Одна, и нѣть надежды когда-либо чувствовать пріятную теплоту и ароматъ нѣжнаго дѣтскаго

тѣла... Психическій зарядъ накопился, эта мысль является запаломъ, Марфа разряжается, она менерячить...

Марфа—омерякъ средней величины, даже ниже средняго. Она только вздрагиваетъ, произноситъ обычное слово, рѣдко повторить слово человѣка. Заставить её повторить дѣйствіе невозможно...

„Э! Э! Э!.. Оставь, оставь, не хочу!“—говорить въ такихъ случаяхъ слабые омеряки. Этими словами, самими ими сказанными, они побѣждаютъ въ себѣ желаніе повторить слово, повторить дѣйствіе, поддаться внушенію...

3. Афанасій Сивцевъ, братъ Марфы Малой, хочетъ обзавестись семьей. Онъ ищетъ любящей дѣвушки,—дѣвушки, въ любви которой онъ былъ бы увѣренъ... Его требованія идутъ въ разрѣзъ съ традиціонными понятіями якутовъ о половыхъ отношеніяхъ.

— „Это—такъ, я его не любила, тебя люблю“ — говорить якутка человѣку, котораго она дѣйствительно любить, т.-е. съ которымъ рѣшила соединить свою судьбу,—говорить про того, отъ кого у нея есть дѣти, или про того, съ кѣмъ не разъ ей случалось спать и кто давалъ ей подарки.

„Это—такъ“, не любовь, а временное увлеченіе физіологической потребностью не связанныхъ никакими обязательствами лицъ,—иногда и связанныхъ, замужнихъ, но—въ крайнемъ случаѣ, у представителей свободы любви. Послѣднее проявленіе свободы любви считается предосудительнымъ и осуждается общественнымъ мнѣніемъ,—правда, не особенно строгимъ къ подобного рода случаямъ.

Афанасій Сивцевъ — хороший плотникъ, трудоспособный, усидчивый. Готовъ безвозмездно оказать каждому помощь своимъ трудомъ. Онъ человѣкъ душевный, ищетъ теплоты въ человѣческихъ отношеніяхъ.. Прежде онъ менерячилъ очень рѣдко—разъ или два.

Какими предшествующими условіями сопровождалось психическое разряженіе—не знаю... Въ мою бытность на уроцишѣ Родчево съ 1890 г. по 1904 годъ, Афанасій „шаманилъ“ по просьбѣ близкихъ людей, чтобы излѣчить отъ болѣзни. Онъ могъ вызвать у себя нервное разряженіе, накопивъ психическій зарядъ по заказу въ теченіе нѣкотораго времени, дня за три-четыре.

— Афанасій, я больна — скажетъ ему женщина, которая надѣется на то, что онъ не откажетъ—помоги мнѣ...

— Ладно!— отвѣтить Афанасій, продолжая работу и осматривая её со всѣхъ сторонъ.

Онъ будетъ работать и думать объ обратившейся къ нему женщинѣ. Если онъ къ ней расположенъ, если онъ её считаетъ почему-либо заслуживающею уваженія, онъ будетъ ду-

матъ обѣ ней долго, думать постоянно, съ желаніемъ помочь ей. Это желаніе помочь будетъ рисовать разныя картины изъ ея жизни, изъ жизни давняго, имъ слышаннаго.. Останавливаясь постоянно и упорно на желаніи помочь, онъ, наконецъ, накопить достаточно психическихъ силъ сильнаго заряда. Разрядъ безсознательный, сильный направитъ онъ въ сторону больной, въ сторону изысканія средствъ къ возможному выздоровленію. Наконецъ, „Афанасій шаманитъ для Хоспохъ“ — говорять якуты...—Онъ не настоящій шаманъ; если захочетъ, шаманитъ хорошо, т.-е. поможетъ.

Сила психического разряда близкаго человѣка помогаетъ присутствующей больной... Онъ укажетъ какое-либо средство изъ практики давняго прошлаго, которое, какъ вдохновеніе, подскажетъ ему безсознательная память,—укажетъ съ вѣрою, съ силою власти...

— Возьми рябую собаку, вынь трепещущееся сердце и приложи его къ ногѣ!—прокричитъ онъ речитативомъ...

Во время „шаманства“¹⁾ Афанасій рѣдко предсказываетъ.

-- Силь нѣть, не могу,—отвѣтить Афанасій, не отрываясь отъ работы, если силь дѣйствительно не окажется для накопленія заряда, или если онъ чувствуетъ, что не окажется.

Афанасій—честный якутъ. Ему за сорокъ лѣтъ. Въ послѣднее время вліяніе политическихъ ссылочныхъ сказалось на якутахъ, они рѣже прибѣгаютъ къ шаманству... Афанасій пересталъ шаманить... Многіе якуты начали давать предпочтеніе совѣтамъ доктора.

Профессиональный шаманъ умеръ въ 1892 году, а бубенъ запрятанъ неизвѣстно гдѣ; В. И. Іохельсону, члену Сѣверо-Тихоокеанской экспедиціи имени Джесупъ, не удалось его вытащить на свѣтъ Божій изъ амбара, гдѣ онъ лежитъ, дожидая шамана-профессионалиста.

Теперешніе шаманы шаманятъ безъ бубновъ.

1900 г. Родчево.

4. Оконэ²⁾ (Егоръ, кажется) Дьяковъ... Первый молодой якутъ лѣтъ 21—22, живеть въ 60—70 верстахъ отъ Родчева. Промышленникъ онъ плохой, предпочитаетъ путешествовать вместо того, чтобы промышлять. Его двѣ сестры — хорошія промышленницы, заботливыя хозяйки, самостоятельныя, дѣльныя. Съ Оконэ плутоватые родоначальники часто берутъ натуральную

¹⁾ Вѣрнѣе—камланья. Ред.

²⁾ Начертаніе Оконэ недопустимо въ якутскомъ языке въ силу закона послѣдовательности гласныхъ, согласно которому послѣ *o* могутъ слѣдовать гласные *o* или *u*, но никакъ не *a*. Ред.

повинность, въ формѣ пищи, по два раза, часто его не въ очередь заставляютъ отбывать рядъ. Съ нимъ все это можно сдѣлать. Онъ производить впечатлѣніе человѣка неустойчиваго... Обязательствъ онъ не исполняетъ, проигрываетъ чужое...

Психическія разряженія у него часты. Шаманить онъ по просьбѣ. Онъ всегда заряженъ. Для заряда ему не нужно времени.

Въ дѣтствѣ, лѣтъ 12—14 отъ рода, онъ ушелъ въ лѣсъ; пропадалъ нѣсколько дней. Его нашли и, ослабшаго, привели въ юрту. Съ этого времени у него начались психическія разряженія. И теперь, смотря на него, того и гляди онъ уйдетъ. Въ лѣсъ онъ не уходитъ. Въ лѣсу онъ былъ звѣремъ,—тѣмъ звѣремъ, шкуру котораго должны натягивать на шаманскій барабанъ и котораго, понятно, не существуетъ. Шаманская барабанъ воспроизводитъ только схему формы этого звѣря.

Шаманить онъ, Оконѣ, всегда готовъ. У него видъ несовершеннолѣтняго.

Оконѣ начинаетъ обманомъ, кончаетъ искреннимъ увлечениемъ. Послѣ разряда онъ еще безформенѣе,—еще болѣе напоминаетъ какого-то слизняка въ образѣ человѣка, еще болѣе приложенъ, еще болѣе жалокъ и слабъ...

Тотъ профессиональный шаманъ, который умеръ въ 1891 году¹), былъ высокаго роста, худощавый, съ смѣлымъ плутоватымъ лицомъ. Его имя—Афанасій, онъ умеръ далеко отъ Родчева, на „лѣсной сторонѣ Колымы“, въ глухи.

5. 1885 г. Декабрь. Жулейскій наслегъ. Наслежный домъ. Длинная скамейка предъ камелькомъ. Лицомъ къ камельку сидѣтъ жена Мины Егорова. Она возбуждена. Была крупная сцена. Скоро праздникъ Рождества. У сына и у ней рубахи порваны; къ празднику нужны новыя. Минѣ Егорову нѣть дѣла. Онъ не покупаетъ... Недавно онъ, Мина Егоровъ, напился пьянъ. Его напоилъ Егоръ Абрамовъ. Купить рубахъ денегъ нѣть, на водку есть. Нѣть пищи; сколько времени уже пьетъ семья выварки, есть „черный бутугастъ“ (похлебку). Повернувшись спиной къ камельку, упервшись на колѣни, положивъ голову на руки, сидѣтъ Мина Егоровъ. Около, прижавшись къ отцу между колѣнь, стоитъ младшій сынъ Мины Егорова. Мина чувствуетъ теплоту его тѣла. Давно уже не курила жена Мины Егорова. Бѣдность, нужда гнететъ ее; она не видѣть выхода.. Тамъ, далеко въ прошедшемъ,—достатокъ, почетъ. Къ нему возвратиться нельзя. Этотъ достатокъ, почетъ былъ здѣсь, въ домѣ ихъ, въ домѣ Мины Егорова.. Это было такъ давно. Вспоминанія о

немъ, объ этомъ достаткѣ, нуждою и трудомъ изгладились изъ памяти бѣдной женщины, осталось одно смутное сопоставленіе... Хотонъ, коровы, починка рваной одежды притупили воображеніе.— Нѣть картинъ прошлаго, некуда уйти.. Отъ коровъ, хотона въ лѣсъ не уйдешь. Хотонъ, коровы, масло, хаякъ (якутское масло)— для другихъ; выварки, черный бугугасъ и кучи старыхъ отрепьевъ рубахъ— для нея... Возмущеніе, протестъ растетъ безсознательно. Накопляется энергія бѣдной женщины для протesta, борьбы... Психическій зарядъ силенъ. Старая женщина привскакиваетъ, дрожь нервная пробѣгаєтъ по всему тѣлу; Авдотья дѣлаетъ взмахъ руками. Она чувствуетъ притокъ силы, она менерячить. Въ ея менеряченіи нѣть конкретизаціи менеряченія колымскихъ якутовъ. Она не предсказываетъ, не говоритъ, что она— не она, что она— сильный духъ. Она просто поетъ пѣсни изъ героическихъ сказаний, отрывочно, безъ связи. Одинъ выкрикъ, одно разряженіе безъ ясныхъ образовъ..

Покойно сидитъ Мина Егоровъ... Кажется, онъ безучастенъ. Это только кажется: онъ думаетъ о выходѣ, планъ у него готовъ. Онъ пойдетъ завтра къ богатому якуту Оросину, дастъ „кабалу“¹⁾ подъ масло, подъ станочныя деньги,— возьметъ „убану“²⁾, возьметъ кирпичъ чаю, возьметъ конецъ синей дабы..

Бѣдная женщина продолжаетъ разряжаться.. Она вскакиваетъ, машетъ руками, выкрикиваетъ мужественнымъ речитативомъ безсвязно отрывочные фразы героическихъ пѣсенъ. Опять садится, опять вскакиваетъ.

Полчаса, м. б., не много болѣе, и разрядъ оконченъ. Безпомощно, ослабѣвшая, падаетъ она на руки Мины. Мина, поддерживая, помогаетъ ей, обезсиленной, лечь на оронъ... Все это Мина дѣлаетъ невозмутимо, какъ человѣкъ свѣдущій и привычный...

Назавтра Мина Егоровъ пойхалъ къ Оросину.. Къ ночи онъ вернулся съ „убаной“, кирпичомъ чаю, концомъ дабы и еще, въ дополненіе, съ фунтомъ сахару, съ фунтомъ табаку. У Мины довольный, торжествующій видъ. Его жена имъ довольна.

— Мой хороший сынъ!— говорить онъ, нарочно картавя сквозь стиснутые зубы страстнымъ тономъ; лаская сына, нюхаетъ его голову, достаетъ изъ кармана кусочекъ обгрызанаго сахару, кусочекъ черстваго хлѣба— остатки угощенія у Оросина— и вручаетъ сыну, ожидающему этой подачки...

Черезъ нѣсколько дней у Мины Егорова пиръ. Убить „убана“; на поскобленномъ столѣ лежать вынутыя изъ котла вареная

¹⁾ Письменное обязательство.

²⁾ Убана— жеребенокъ.

толстая кишкы „убани“; лежитъ вареная печень; лежитъ „хаса“¹). Жена набрасываетъ углей въ самоваръ... Мина рѣжетъ на части кишкы. Онъ налиты кровью съ кусочками жира, взмутованною съ мукою и солью. Онъ дѣлить на всѣхъ: на присутствующихъ и на отсутствующихъ, отдельно живущихъ членовъ семьи. Они приѣдутъ и съѣдятъ реально свою долю. Теперь, на пиру они присутствуютъ идеально.

Тутъ же сидитъ Егоръ Абрамовъ и еще два-три якута-бѣдняка; имъ тоже отдѣляется часть... Остро наточенный, для этого случая, якутскій ножъ въ рукахъ Мины; ножъ знаетъ самъ, какую часть нужно отрѣзать почетному Егору и бѣднякамъ гостямъ... Бѣдняки, съ плохо скрываемымъ ожиданіемъ яствъ, смотрять на описанный ножъ—центръ ихъ предстоящаго наслажденія... Егоръ сидитъ съ достоинствомъ, но не безъ интереса,—ему, Егору, не каждый день приходится єсть любимую пищу якутовъ—вареную конину. Егоръ занятъ и другой болѣе важной комбинаціей... Онъ занимается контрабандной торговлей водкой.. Теперь дѣлаетъ подсчетъ, сколько и что можно взять отъ Мины за бутылку или двѣ водки, и соображаетъ, какъ это сдѣлать. Чтобы избавиться отъ непріятности со стороны жены Мины, онъ ее угоститъ...

Наслажденіе пищей въ полномъ разгарѣ. Мина облизывается, посылая въ ротъ жирные куски кишкы. Онъ виновникъ общаго наслажденія.. Всѣ невзгоды забыты. Онъ чувствуетъ себя счастливымъ... Егоръ угостилъ водкой его, Мину и его жену, съ соблюденіемъ обычая даль и гостямъ. Незамѣтно Егоръ перешепнулся съ Миной. Послѣ пира они вышли вдвоемъ и направились въ юрту къ Егору Абрамову... Прошло менѣе часа. Жена Мины Егорова успѣла пойти изъ своей доли, прибрать въ амбаръ доли другихъ, отсутствующихъ. Успѣла прибрать все со стола. За дверями шумъ. Возня... Отворяется дверь. Егоръ съ трудомъ протискиваетъ сильно охмѣльвшаго Мину Егорова.. Шатаясь изъ стороны въ сторону, добрались друзья до орона.. Мина Егоровъ не хочетъ разстаться съ другомъ. Онъ не хочетъ выпустить его изъ своихъ пьяныхъ объятій... Мина чувствуетъ себя на верху блаженства... Навалившись на Егора, онъ сиплымъ голосомъ речитативомъ поеть на ухо Егору пѣсню изъ якутскихъ былинъ.. Терпѣливо выносить это Егоръ Абрамовъ, поддакивая ему поощряющими мѣстоименіями: „Ноо! Нуу!“ Онь былъ выгодно двѣ бутылки плохой водки, теперь можно перенести маленькую непріятность въ теченіе часа-другого...

¹⁾ Брюшной жиръ.

Послѣ неудачной попытки опять итти къ Егору, Мину укладываютъ спать... Укладываясь, онъ бормочетъ какія-то слова... Мина Егоровъ заснула... Въ юртѣ тишина; съ ороновъ слышенъ храпъ всѣхъ тоновъ... Внезапно тишину нарушаетъ речитативъ-выкрикъ. Это послѣднія волны психического разряженія Мины Егорова. Онъ, охмѣльвшій, во снѣ чувствуетъ себя героемъ и безсвязно выкрикиваетъ речитативомъ слова якутской былины.

Назавтра все пойдетъ обычнымъ порядкомъ. Каждый будетъ тянуть свою лямку, накопляя недовольство своимъ положеніемъ, впредь до того момента, пока сила накопленнаго недовольства не выльется въ ту или иную форму психического разряженія...

6. 1885 — 86 г. Жулейскій наслегъ, Ботуруссій улусъ, Якутскій округъ.

Богатый якутъ Васильевъ женатъ на сравнительно молодой, впечатлительной якуткѣ. Ея впечатлительная натура ищетъ ласки, любви, мужъ — только животнаго удовлетворенія. Не отдавая себѣ отчета, она чувствуетъ неудовлетворенность. Неудовлетворенность накапливается, отсутствіе соотвѣтствующаго разряда въ союзѣ брачномъ даетъ другой выходъ. Желающая любви и ласки женщина идетъ въ лѣсъ, садится, въ 100—200 шагахъ отъ своей юрты, въ лѣсу подъ деревомъ. Оставшись вдали отъ юрты мужа, сама со своимъ внутреннимъ міромъ, она разряжается, изливая безсознательно, въ пѣніи сильныхъ героическихъ пѣсенъ, свою душу... Женщина, жена Васильева, менерячить...

У насъ, людей высшей культуры, власть факта сильнѣе каждого отдельно взятаго лица... Мы далеко уже ушли отъ первичныхъ формъ. У насъ истерика и падучая уже не разряженіе; онъ, эти формы, потеряли свою субъективную конкретность непосредственныхъ личныхъ настроеній, стали, такъ сказать, абстрактными, перешли въ болѣзни, — стали проявленіями не психического міра субъекта, а его нервной системы. Истерика и падучая — такие же пережитки въ психическомъ мірѣ человѣка, какъ хвостовые позвонки, придатокъ слѣпой кишки и т. п. пережитки въ физиологическомъ мірѣ человѣка, указывающіе на происхожденіе его отъ низшихъ органическихъ формъ. Разряженіе перешло въ заболеваніе. Заболѣваніе слабо — помогаютъ бромистые и другіе препараты; сильно — нужна цѣлая система лѣченія.